

Нань Ван придвинулся к Чжун Чжили и негромко, заговорщически спросил:

— Неужто господин Ло на него позарился?

Чжун Чжили промолчал, лишь перевёл взгляд с одного на другого. Чжугэ Синчжи, услышав эту нелепицу, сердиться не стал — только тихонько рассмеялся:

— А вы забавный человек. Что ж, я подумаю над вашим предложением.

С этими словами он поднялся и кивнул Железному Посоху Ли:

— Ступайте за мной.

Тот поспешно поднял на руки спящую дочь, послушно последовав за хозяином дома. Перед самым выходом он обернулся к остальным:

— Обождите здесь немного, прошу вас.

Нань Ван понимал: сейчас Железный Посох Ли переступит порог этой комнаты, и они больше никогда не увидятся. Юноша резко вскочил с места и ухватил его за рукав:

— Дядя Ли, я знаю, что вы хороший человек. Я верю вам.

Железный Посох Ли прослезился. Он ласково взъерошил волосы на голове юноши:

— Ты славный малый. Прости меня, глупого... Из-за меня твой наставник пострадал. Слушайся старших, живи по совести и не смей предавать память о своём учителе. Понял меня?

Нань Ван прослезился, он отчаянно закивал:

— Понял, дядя Ли. Всё понял.

Ло Цзенин молча наблюдал за этой сценой. Подойдя ближе к Чжун Чжили, он тяжело вздохнул. Его спутник лишь покосился на него, но промолчал.

Внезапно Ло Цзенин порывисто обнял Чжун Чжили за шею и, уткнувшись ему в плечо, нарочито плаксиво запричитал:

— Ох, и дуралей же этот Нань Ван! Ну какой дуралей...

Чжун Чжили не стал вырываться. Подыгрывая ему, он легонько похлопал Ло Цзенина по спине:

— Зато зла в душе не держит. Это редкое качество.

Ло Цзенин отстранился. В эту секунду до него наконец дошло, почему Нань Ван так любит увиваться вокруг этого человека.

«Да он просто бесхребетный добряк! Готов приветить любого встречного-поперечного!» — с досадой подумал он.

Он недовольно надулся. Чжун Чжили, заметив его кислую мину, засомневался — уж не ляпнул ли он чего лишнего? Он хотел было объясниться, но тут к ним вернулся зарёванный Нань Ван. Хлюпая носом, парень ткнул пальцем в сторону Ло Цзенина:

— Я всё видел! Ты нарочно дождался, пока я отвернусь, чтобы обнять моего гэгэ!

Ло Цзенин так и обомлел. За две жизни он не слышал ничего глупее.

— Твоего гэгэ? — переспросил он и ядовито усмехнулся. — Ну держись, малявка. Сейчас я тебе покажу, чей он на самом деле!

С этими словами он в шутку замахнулся на юношу. Тот с писком увернулся и закричал:

— Ты же только что обещал отдать своё тело и душу тому лекарю из хижины!

Ло Цзенин так и застыл с занесённой рукой. Он покосился на Чжун Чжили, но тот сидел со скучающим видом, словно всё происходящее его ни капли не касалось.

«Предатель», — мысленно окрестил его он, чувствуя себя покинутым всем белым светом.

— И ты уши развесил? — хмыкнул он, обречённо качая головой.

Он демонстративно отошёл, уселся на циновку напротив них и налил себе чаю. Сделав глоток, он мгновенно преобразился, заговорив серьёзным, рассудительным тоном:

— Никогда бы не подумал, что они постигают Искусство разума. Настоящих целителей в Поднебесной немало, но тех, кто способен проникать в чужие мысли, на весь мир — одна-единственная школа.

— Чжу Юаньжу? — уточнил Чжун Чжили.

Ло Цзенин кивнул.

— Тот самый Чжу Юаньжу, о котором упоминал твой учитель? — спросил Нань Ван.

— Он основатель Искусства разума, — пояснил Ло Цзенин. — О его последователях ходят удивительные слухи, но на людях они почти не показываются. Чистая легенда. Однако, помня рассказы твоего наставника о том, что он может призвать на помощь адепта этого учения, я начинаю думать, что они всё-таки решили выйти из тени.

— Возможно, молодой господин Лань действительно был как-то с ними связан, — задумчиво произнёс Чжун Чжили. — О мастерах Техники Чтения мыслей в Цзянху почти ничего не известно. По крайней мере, я ни разу не слышал, чтобы они оказывали кому-то услуги.

Ло Цзенин промолчал, задумчиво разглядывая дно пиалы. Чжун Чжили спросил:

— К чему тебе знать о связях Лань Мулия с этой школой?

Ло Цзенин лукаво подмигнул ему, с явным кокетством протянув:

— Ну... вдруг это поможет пролить свет на его прошлое?

— И зачем тебе знать, как жил мой учитель? — подозрительно прищурился Нань Ван.

Ло Цзенин шумно вздохнул и покачал головой:

— Цыц, малявка. И это так ты разговариваешь со старшими?

Нань Ван поплотнее прижался к плечу Чжун Чжили и пробурчал:

— То одному глазки строишь, то другому... Тоже мне, благородный господин! Самый настоящий ветреник.

Ло Цзенин чуть чаем не подавился от возмущения. Излить гнев было не на кого, поэтому он ткнул пальцем в Чжун Чжили:

— Ну посмотри на этого наглеца! И это плоды твоего попустительства! Разбаловал парня до невозможности!

Чжун Чжили про себя усмехнулся: наконец-то нашёлся тот, кто может укротить этого сорванца. Притворившись удивлённым, он мягко возразил:

— Попустительства? С чего ты взял, что я ему потакаю?

Ло Цзенин оскорблено поджал губы и свирепо посмотрел на Нань Вана. Юноша от этого взгляда сжался ещё сильнее. Стоило Чжун Чжили приподнять руку, чтобы успокаивающе приобнять мальчишку, как Ло Цзенин зловеще процедил сквозь зубы:

— Только попробуй его тронуть! Тронешь — прибью!

Нань Ван удивлённо захлопал глазами и прошептал:

— Какая ревность... Даже обнять нельзя. Тоже мне, хозяин выискался. Сяо Чжун вообще-то тебе не принадлежит!

У Ло Цзенина от такой дерзости едва пар из ушей не пошёл. С тихим звоном он выхватил клинок из ножен и направил остриё прямо на парня:

— Ах ты негодник! Ну всё, молись!

— Мама родная, убивают! — завопил Нань Ван и с притворным ужасом забился в объятия Чжун Чжили.

Чжун Чжили покачал головой и осторожно отвёл клинок в сторону, едва сдерживая улыбку:

— Ну полно тебе. Нашёл на кого обижаться. Он же совсем ребёнок.

Почуввав защиту, Нань Ван тут же высунулся из-за его плеча и подлил масла в огонь:

— Вот-вот! Взрослый человек, а такой мелочный и обидчивый!

Заметив, что Ло Цзенин от этих слов побелел от ярости и крепче сжал рукоять меча, Чжун Чжили поспешно прижал Нань Вана к циновке:

— А ты помалкивай. Не зли его понапрасну.

Парень недовольно буркнул что-то под нос, но затих. Ло Цзенин с сухим щелчком вернул оружие в ножны. С трудом усмирив клокочущее в груди раздражение, он уселся обратно на своё место и уткнулся в пиалу с чаем, напроочь игнорируя нахала.

В комнате наконец воцарился покой. Нань Ван больше не задибался и сидел смирно. Спустя четверть часа дверь тихонько скрипнула. Ло Цзенин поднял голову и увидел вошедшего Чжун Синчжи, за которым робко следовала Ли Минъянь.

Девушка была на редкость хороша собой. Заметив присутствующих, она поспешно и вежливо поприветствовала каждого. Глядя на её спокойное, доверчивое лицо, Ло Цзенин понял: Чжугэ Синчжи сумел скрыть от неё страшную правду и не проронил ни слова о трагедии.

Чжугэ Синчжи мягко улыбнулся Ло Цзенину:

— Ступайте за мной.

Ло Цзенин тут же вскочил на ноги и, прижав к груди верный клинок, последовал за хозяином дома.

Едва дверь за ними захлопнулась, Нань Ван с любопытством спросил:

— Сяо Чжун, неужели господин Ло и правда пошёл предлагать себя этому лекарю?

Чжун Чжили лишь молча покачал головой. Он и сам не знал ответа, но, помня непредсказуемый нрав своего спутника, вполне допускал, что этот безумец действительно способен на подобную глупость.

Теперь в комнате остались лишь трое. Ли Минъянь робко огляделась и тихо спросила:

— Простите... Но почему я здесь? Тот молодой господин сказал, что именно вы привели меня сюда, чтобы излечить от яда. Это так?

Чжун Чжили кивнул:

— Да, это так. Твой отец поручил нам позаботиться о тебе.

Девушка заволновалась, она заметно испугалась:

— А где же он сам? Почему папы нет с вами?

Чжун Чжили помедлил, опустив взгляд. Нань Ван робко покосился на него, не смея проронить ни слова.

Гнетущее молчание затянулось. Ли Минъянь заметила это, её тонкие пальцы мелко задрожали, а голос сорвался на шёпот:

— Неужели он...

Чжун Чжили поднял глаза и тихо, но твёрдо произнёс:

— Госпожа Ли, примите мои соболезнования. Держитесь.

Эти слова прозвучали как приговор. Всякая надежда рухнула. Девушка мгновенно расплакалась. Сгорая от стыда перед чужими людьми, она из последних сил сдерживала рвущиеся наружу рыдания.

Нань Ван растерялся. Не зная, как облегчить чужое горе, он неуклюже попытался утешить её:

— Пожалуйста, не плачьте так... Я ведь тоже совсем недавно потерял своего учителя. Я знаю, как это больно.

Но Ли Минъянь не слышала его. Спрятав лицо в ладонях, она беззвучно, горько зарыдала, вздрагивая всем телом.

Глядя на безутешную девушку, Чжун Чжили невольно подумал о Ло Цзенине. Окажись тот сейчас здесь, наверняка нашёл бы нужные слова. Сам же он совершенно не умел утешать женщин и теперь чувствовал себя не в своей тарелке, способный лишь молча сопереживать чужому несчастью.

Обстановка в комнате сделалась невыносимо тяжёлой. Нань Ван чувствовал, что ещё немного — и он задохнётся от этой давящей тишины. Лишь теперь он осознал, что уход несносного Ло Цзенина принёс им больше беды, чем облегчения.

Тем временем Чжугэ Синчжи привёл Ло Цзенина в ту самую комнату, где они были прежде. Когда дверь за ними закрылась, он бросил взгляд на бездыханное тело Железного Посоха Ли, распростёртое на циновке, и невольно нахмурился.

— Техника Воскрешения из мертвых — это запретное искусство, — заговорил Чжугэ Синчжи. — Суть его в том, чтобы отдать собственную жизнь взамен чужой, либо забрать чьё-то чужое дыхание ради спасения другого человека. Попади эти знания в недостойные руки, мир захлебнулся бы в крови. Вот почему за сотню лет в Цзянху лишь главе Поместья Изумрудных облаков дозволялось постичь это таинство. Но даже имея на то законное право, не всякий преуспевал. Наша же семья Чжугэ — единственная, кто бережёт и передаёт это учение из поколения в поколение. Мы сознательно отреклись от мирской суеты и ушли в затворничество, дабы уберечь это знание от жадных глаз. Те же, кто преодолевает долгий путь на вершину и молит о спасении, должны обладать чистыми помыслами. Именно поэтому каждый из нашего рода постигает Искусство разума. И плата за наше заступничество проста — просящий должен полностью обнажить перед нами свою душу.

Выслушав эту пространную речь, Ло Цзенин наконец уяснил главное: способность читать мысли дарована им вовсе не ради забавы. За этим крылся глубокий смысл.

— И всё же, кем вам приходится Лань Мулинь? — внезапно спросил Чжугэ Синчжи, пристально глядя на собеседника.

Вопрос прозвучал прямо, без обиняков. Ло Цзенин ответил столь же коротко:

— Он мой старый друг.

Чжугэ Синчжи понимающе улыбнулся:

— Очень давно молодой господин Лань уже поднимался на нашу гору. Он просил о встрече с моим покойным учителем.

Ло Цзенин привычно и непринужденно улыбнулся:

— Лет пятьдесят назад, верно?

Чжугэ Синчжи кивнул и жестом пригласил его присесть:

— Именно так. Ну и что же вы хотите выяснить?

Ло Цзенин отложил меч в сторону и с любопытством спросил:

— Жители у подножия горы болтают, будто всякий, кто побывал у вас, возвращается ни черта не помня. Если я выслушаю вашу тайну, меня внизу тоже ждёт беспамятство?

Лекарь посмотрел на него с мягким прищуром:

— Вовсе не обязательно. Всё зависит от обстоятельств.

Ло Цзенин вальяжно откинулся назад:

— Ну а если память всё-таки сотрётся, то какой смысл мне сейчас тратить время на разговоры?

Чжугэ Синчжи не ответил прямо, решив перевести разговор в иное русло:

— У моего учителя была одна причуда. Всякий раз, когда на эту вершину поднимался

очередной путник в поисках исцеления, наставник дотошно записывал все его воспоминания, от первого до последнего вздоха, и переплетал их в свитки. В часы досуга он любил перелистывать эти рукописи, созерцая многообразие человеческих судеб. Для тех, кто искал нашей помощи, это и становилось главной платой.

Рассказ показался Ло Цзенину забавным:

— И как, ты унаследовал эту страсть к чужим откровениям?

— Вы — первые мои гости, — улыбнулся Чжугэ Синчжи. — Так что всё зависит от вашего желания. Хотите примерить на себя эту участь?

— А если я раскрою тебе своё прошлое, позволишь ли ты мне взамен прочесть то, что написано о Лань Мулине? — предложил Ло Цзенин.

Чжугэ Синчжи покачал головой:

— Молодой господин Лань давно покинул этот мир. Мы не вправе распоряжаться его тайнами без его согласия.

Ло Цзенин опёрся подбородком о ладонь:

— Нань Ван — единственный ученик покойного господина Ланя. К тому же, раз ты догадался, что я явился из далёкого прошлого, пятидесятилетней давности, то наверняка понимаешь, какова моя цель.

Лекарь тихо вздохнул и с сожалением покачал головой:

— Всё пошло наперекосяк. Нити судьбы спутались.

— Что именно спуталось? — нахмурился Ло Цзенин.

Чжугэ Синчжи долго молчал, взвешивая все «за» и «против». Наконец он медленно произнёс:

— Хорошо. Я позволю тебе взглянуть на его записи. Но взамен ты отдашь мне свою историю. И помни: я не даю обещаний, что если кто-то другой придёт сюда с подобной просьбой, я не раскрою ему уже твою тайну.

Ло Цзенин усмехнулся про себя. Вот она, истинная суть их сделок. Обмен воспоминаниями... Но ради чего? Неужто праздное любопытство и жажда созерцать чужие страдания так сильны в этих затворниках?

Тем не менее он без малейших колебаний кивнул:

— Согласен. По рукам.

— В таком случае идём, — отозвался Чжугэ Синчжи и поднялся на ноги.

Ло Цзенин поспешил за ним. Проходя мимо неподвижного тела Железного Посоха Ли, он на мгновение замер, но затем молча перешагнул через порог.

Чжугэ Синчжи раскрыл зонт, укрывая их от сырости, и повёл гостя прочь из дворика. Вскоре они подошли к соседней усадьбе. Своей планировкой она точь-в-точь повторяла прежнюю, но здесь царила мёртвая тишина — вокруг не было ни души. Пересекая пустынный внутренний двор, они дошли до дальнего крыла. Чжугэ Синчжи остановился перед неприметными дверями и легонько толкнул их.

Из глубины помещения потянуло тонким, едва уловимым благовонием. Ло Цзенину этот сладковатый аромат был незнаком, но стоило ему переступить порог, как в голове приятно зашумело, а мысли подёрнулись лёгкой дымкой. Перед ними предстал просторный, погружённый в полумрак кабинет. Здесь царила безупречная чистота — ни пылинки на гладких поверхностях стола и книжных полок, сиявших новизной. На столе аккуратно покоились письменные принадлежности.

— Это личная библиотека моего наставника, — негромко пояснил лекарь.

Ло Цзенин понимающе кивнул. Он терпеливо наблюдал, как Чжугэ Синчжи долго и тщательно перебирает старые фолианты на полках. Наконец тот уверенным движением достал один из пожелтевших свитков, бережно развернул его, пробежал глазами по строчкам и протянул гостю.

Приняв бумагу, Ло Цзенин услышал тихий голос лекаря:

— Записи полувековой давности... Пришлось изрядно покопаться, чтобы отыскать именно этот свиток.

Ло Цзенин развернул плотную бумагу. В самом верху каллиграфическим почерком было выведено имя гостя, его родные края и точный год визита. Ниже тянулись бесконечные ровные строчки, исписанные убористым текстом — сразу чувствовалось, что летописец вложил в этот труд немало сил и душевного тепла.

— Мой учитель редко принимал чужаков, — продолжал Чжугэ Синчжи, — но описывал судьбу каждого столь подробно, что его рукописи со временем превращались в увесистые фолианты.

— И в каком же возрасте представился твой почтенный наставник? — поинтересовался Ло

Цзенин, не отрывая взгляда от записей.

— Девяносто лет. Дожил до глубокой старости, — с уважением ответил Чжугэ Синчжи.

Ло Цзенин внутренне изумился. Подобное долголетие в их беспокойные времена казалось благословением самих небес.

Он медленно листал ветхие страницы. Наконец он заметил знакомое имя в самом верху одной из граф: «Лань Мулинь». Рядом аккуратной тушью было выведено: «Уроженец Яньчжоу. Тринадцатый год под девизом Юннин».

— Это он? — негромко спросил Чжугэ Синчжи, заглядывая ему через плечо.

Ло Цзенин молча кивнул:

— Да. Он самый.

Весь лист ниже занимало подробное описание жизни Лань Мулиня. Стоило признать, что покойный мастер обладал безупречным почерком. Мелкие, убористые иероглифы, напоминавшие лапки насекомых, складывались в изящные и ровные строки, которые разительно отличались от кривых каракулей самого Чжугэ Синчжи. Чтение такой рукописи доставляло истинное удовольствие, заставляя забыть о времени.

Ло Цзенин неожиданно оторвался от чтения и с лукавой усмешкой посмотрел на лекаря:

— Послушай, а ту шутку насчёт того, что я обещал отдать тебе свою душу и тело... Мы ведь можем её забыть, верно?

Чжугэ Синчжи на миг лишился дара речи от подобной непосредственности, но затем весело рассмеялся:

— Будь спокоен. Я и не думал принимать твои слова всерьёз.

Облегчённо вздохнув, Ло Цзенин кивнул и вновь углубился в чтение пожелтевших от времени записей.